

МУРЗИЛКА

№ 11

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 1958

Посмотри на рисунок! Правда, хороших ребят нарисовала художница Елена Александровна Афанасьева? Весёлых, здоровых и, уж наверное, умных и дисциплинированных. И у всех ребят красная звёздочка приколота.

Придёшь ты утром в класс и видишь, сколько вокруг ребят. И мальчиков, и девочек, и беленьких, и тёмных, и рыжих, и с веснушками. Все разные, и все друзья. Потому что у всех горит на груди пятиконечная октябрятская звёздочка. Красная, как наше знамя, с портретом В. И. Ленина в середине.

Звёздочка небольшая, сделана она из алюминия, а сверху покрыта красной эмалью. В центре — портрет В. И. Ленина в детстве, трёх лет. Портрет золотистого цвета.

Звёздочку вручают каждому октябрёнку на торжественных пионерских сборах или линейках в тот день, когда создаётся октябрятская группа. Носит октябрёнок свою звёздочку на левой стороне груди.

Такой флажок будут вручать теперь октябрятским группам. Он красного цвета, размер его 60 сантиметров в длину и 10—в ширину. По краям флажка — золотистая бахрома. В середине — тоже золотистого цвета — контурная звезда диаметром 18 сантиметров. Флажок носят на древке.

С флажком октябрята ходят на экскурсии, в походы, выносят его на сборы и праздники. Право носить флажок получают все октябрята группы по очереди.

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Рассказ получил третью премию на конкурсе журнала «Мурзилка»

Богатырь КАДЫР

Л. РУДАКОВА
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Домик фельдшера Василия Михайловича Фрунзе находился совсем рядом, шагах в двадцати от той больнички, где он работал. И к больнице и к дому примыкал большой фруктовый сад. Хорошо было жаркими днями играть в прохладной тени деревьев, купаться в холодной воде арыка, который, журча и перекатывая по пути маленькие камешки, бежал сюда с гор Ала-Тау. Горы эти величественно возвышались над городком Пишпеком своими никогда не тающими белоснежными вершинами.

Но с недавнего времени семилетнему Мише и его дружкам запретили играть на самом любимом месте—у раскидистой старой груши. Там поставили юрту, а вокруг неё бессменно ходил солдат-часовой. В этой юрте находился Кадыр Чолпонкул. Был он справедливым и умным человеком; за правду, которую он говорил народу, боялись и ненавидели его богатые баи и муллы. Это по их требованию схватили царские слуги Кадыра и судили его. А народ считал его своим героем. Теперь он болел, и Мишин отец Василий Михайлович лечил его.

Через несколько дней юрту убрали, а Кадыра Чолпонкула заковали в тяжёлые цепи и увезли.

— Папа, почему дяде Кадыру надели на руки и на ноги железные цепи? — спросил Миша за ужином у отца.

Василий Михайлович потеребил свои чёрные усы и промолчал. Но Миша не унимался:

— А куда его увезли, папа, ведь он больной, его надо лечить? Почему его увезли с солдатами?

— Его, Мишук, отправили далеко-далеко, в Сибирь, на каторгу, а повезли с солдатами потому, что боятся, как бы народ не освободил его по дороге. Вот и всё.

— Не всё, не всё, — упрямо повторил Миша, — он хороший, добрый, его все любят. Почему его увезли на каторгу?

— Подрастёшь немного, малец, обо всём тогда я тебе расскажу, — ответил Василий Михайлович.

Как-то весной, когда зацвели деревья и щедрое майское солнце вволю нагревало землю, приехали к отцу киргизы. Очень любили они скромного, честного и умного Василия Михайловича, который бесплатно лечил их и которого они ласково называли своим русским отцом — «атаурус».

— Поедем завтра в горы, даргер Василь. Весна уже. Барса ловить будем.

Давно мечтал побывать Миша в горах.

— И я, и я поеду с тобой, папочка!

Но отец решительно заявил ему:

— Не возьму. Мал ещё, устанешь только. Нет, и не проси даже.

Миша встал на другой день раньше всех, собрал свои вещи и уложил их на дно повозки под сено, а сам, взяв с собой старый, подаренный за ненадобностью дробовик отца, зашагал по дороге к горам.

Вскоре встала вся семья, и начались сборы на охоту. Когда всё уже уложили, Василий Михайлович вспомнил о сыне:

— Мать, а где пострелёнок? Пусть идёт прощаться.

Но Миша на зов матери не отозвался.

— Ишь ты, сердится, — улыбнулся отец: ему приятно было, что сын растёт упорным и настойчивым.

Уже полчаса ехала повозка по пыльной дороге. Василий Михайлович со своим другом Семёном тихо о чём-то разговаривал. Про-

шло ещё полчаса. Поднялось солнце, и сразу стало жарко. Лошадка еле плелась. Собаки, высунув от жары языки, лениво бежали впереди повозки. Вдруг они радостно залаяли и кинулись к сидящему на камне у речушки мальчишке.

— Мишка? — удивился отец.

Мишины голубые глаза сияли:

— А я вас уже, ой-ё-ёй, как давно жду.

— Ну и характерец у тебя! Живо садись в повозку. Да как же ты без шапки? Припечёт солнце-то голову. — Отец ласково погладил белокурые волосы сына.

— А она здесь, под сеном, я её утром ещё уложил.

Отец и Семён рассмеялись.

Вот и горы, покрытые яркой, зелёной, ещё не успевшей выгореть травой, густо заросшие высокими кустарниками.

На повороте дороги, у зарослей чёрной смородины, повозку поджидал всадник. За спиной у него дулом вниз висела винтовка. Он о чём-то по-киргизски заговорил с Василием Михайловичем.

— Посмотри-ка, сынок, за лошадью, — сказал отец, зачем-то достав свою медицинскую сумку. — Мы скоро вернёмся.

И они с Семёном пошагали вслед за провожатым в густую чащу кустарников.

Миша остался один. Прислушиваясь к глухому журчанию скрытых в траве ручьёв, он думал о тех словах охотника, которые ему удалось понять: «Ранен в голову, может умереть».

«Наверное, барс уже ранен. Надо посмотреть», — и Миша, привязав лошадь, стал осторожно пробираться в глубь кустарника по еле заметному следу. Тропинка вела всё выше и выше. За огромной каменной скалой Миша увидел нескольких человек. Одному из них, сидящему на камне, отец перевязывал голову.

«Значит, охотник говорил не о барсе, а о человеке», — подумал Миша и подошёл поближе.

Он сразу узнал раненого. Это был Кадыр Чолпонкул. Губы на бледно-жёлтом лице были плотно сжаты.

— Дядя Семён, почему Кадыр здесь, почему он ранен?

— Он бежал из Сибири. Но об этом — молчок, не то его схватят.

— Ну вот и всё, Кадыр. Приеду сюда через неделю. Думаю, скоро заживёт.

— Спасибо тебе большое, Василий, — тихо ответил Кадыр.

Узнав Мишу, он улыбнулся.

— Большой уже у тебя сын вырос. Помнишь меня, Миша?

Смущённый Миша кивнул головой. А Кадыр вытащил из-за голенища сапога камчу с узорчатой серебряной рукояткой и протянул её мальчику.

— Бери, дарю тебе, помни Кадыра, друга твоего отца. А вырастешь — на отца будь похож, люби народ всегда.

Домой возвращались к вечеру. По дороге Семён подстрелил двух кекликов.

— Это вместо барса, Миша, — весело смеялся он.

А Василий Михайлович серьёзно, как взрослому, сказал сыну:

— Помни, Миша, никто не должен знать о том, что ты сегодня видел. Иначе плохо будет Кадыру. Казнят его, если поймают. Царь ненавидит тех, кто любит и защищает свой народ. Запомни это.

— Запомню на всю жизнь.

И слово своё Миша сдержал, он на всю жизнь запомнил слова отца и Кадыра: люби простой народ.

Всю свою жизнь Михаил Васильевич Фрунзе посвятил борьбе за счастье простых людей.

Из рассказов, присланных на конкурс

БЕЗ УЧЕНЬЯ НЕТ УМЕНЬЯ

В. МЕДВЕДЕВ **Рис. Е. ГАЛЕЯ**

Не захотел Ваня уроки учить и стал спрашивать маму:

— Кем был мой дедушка?

— Землекопом, землю лопатой копал, кайлом долбил.

— А в школе он учился?

— Нет, он был неграмотный, ни читать, ни писать не умел, но дело своё знал хорошо, канавы да колодцы рыл. Сам кормился, семье пропитание добывал.

— А у него был папа?

— Был, прадед твой.

— Кем он был?

— Лесорубом.

— А в школе он учился?

— Нет, он был неграмотный, ни читать, ни писать не умел, но мастер был на все руки, лес рубил, дома строил — в землянке жил. Себя кормил, семья нищенствовала — на богатых работала.

— А у него был папа?

— Был, прапрадед твой.

— Кем он был?

— Хлеборобом, землю сохой пахал.

— А в школе он учился?

— Нет, он был неграмотный, ни читать, ни писать не умел, но работал до последних сил, хлеб серпом жал — с голоду умер.

— Я тоже не буду учиться, — решил Ваня, — писать и читать я умею, четыре действия арифметики знаю. Дедушка и того не знал, а работать умел хорошо. Нынче с голоду не умирают, в землянках не живут. Не хочу учиться, хочу трудиться.

Увидел Ваня: самолёт в небе летит, и сразу решил, кем быть.

Пришёл Ваня на аэродром.

— Я хочу быть лётчиком, дайте мне самолёт.

— Выбирай, какой по тебе, садись и лети.

Забрался Ваня в кабину, руль крутит — мотор не шумит, самолёт не летит. Самолётом надо уметь управлять, а Ваня не умеет.

— Лётчиком быть — долго учиться надо, — сказал Ване лётчик и велел уходить с аэродрома.

Без ученья нет уменья.

— Мой дедушка не учился, а работать умел хорошо. Я не хочу учиться, хочу трудиться. Лётчики — люди учёные, пойду в машинисты.

Пришёл Ваня в паровозное депо.

— Я хочу быть машинистом, дайте мне паровоз.

— Паровоз машиниста ждёт, садись и поезжай.

Поднялся Ваня на паровоз, заставляет его ехать, а паровоз Ваню не слушается, с места не трогается. Паровозом надо уметь управлять, а Ваня не умеет.

— Машинистом быть — долго учиться надо, — сказал Ване машинист и велел уходить с паровоза.

Без ученья нет уменья.

— Мой дедушка не учился, а работать умел хорошо. Я не хочу учиться, хочу трудиться. Машинисты — люди учёные, пойду в токари.

Пришёл Ваня на завод, в токарный цех.

— Я хочу быть токарем, дайте мне станок.

— Хорошим токарям всегда рады, есть и для тебя станок.

Встал Ваня за станок, а как металл точить, невдомёк ему. На станке надо уметь работать, а Ваня не умеет.

— Токарем быть — долго учиться надо, — сказал Ване токарь и велел уходить из цеха.

Без ученья нет уменья.

— Мой дедушка не учился, а работать умел хорошо. Я не хочу учиться, хочу трудиться. Токари — люди учёные, пойду в шахтёры.

Пришёл Ваня на шахту.

— Я хочу быть шахтёром, дайте врубовую машину.

— Комбайн дадим, только работай.

Сел Ваня на угольный комбайн, не знает, за что взяться, к чему приложиться, что к чему устроено. На комбайне надо уметь работать, а Ваня не умеет.

— Шахтёром быть — долго учиться надо, — сказал Ване шахтёр и велел уходить из шахты.

Без ученья нет уменья.

— Мой дедушка не учился, а работать умел хорошо. Я не хочу учиться, хочу трудиться. Шахтёры — люди учёные, пойду в лесорубы, там дело проще, пила и топор — инструменты несложные.

Пришёл Ваня на лесосеку.

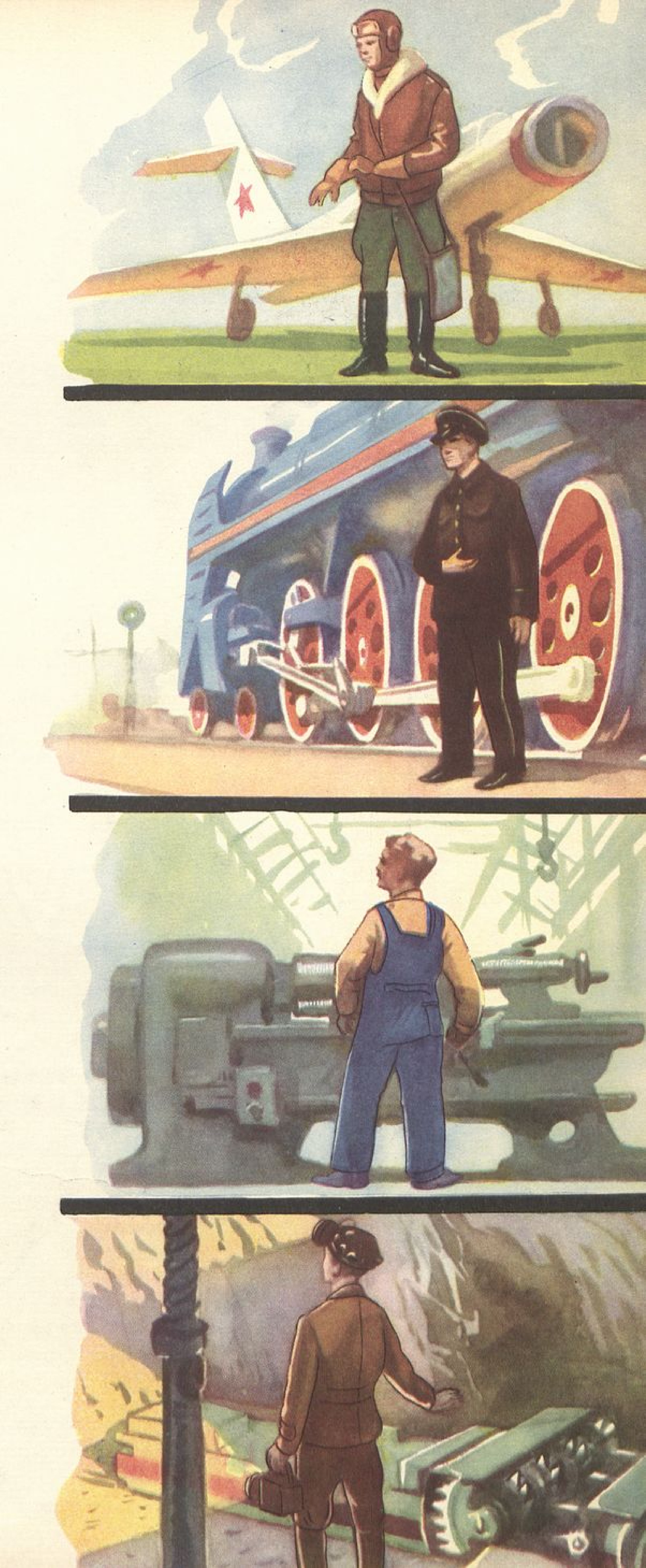
— Я хочу быть лесорубом, дайте мне пилу.

Дают ему пилу, а пила электрическая — работает мотор, а лесоруб им руководит. Ваня электричество в школе не проходил, мотор не изучал.

— Лесорубом быть — долго учиться надо, — сказал лесоруб Ване и велел уходить с лесосеки.

Без ученья нет уменья.

— Мой дедушка не учился, а работать умел хорошо. Я не хочу учиться, хочу трудиться. Лесорубы стали учёные, пойду в землекопы. Лопатой я работать умею.

Пришёл Ваня на строительство канала.

— Я хочу быть землекопом, дайте мне лопату.

— Лопатой канал за всю жизнь не пророешь; нынче землекопы инженерами стали, на самоходных экскаваторах работают.

Видит Ваня, поднял экскаватор железную лапу, шагнул вперёд, зачерпнул ковшом столько земли, что целую гору насыпал.

— С экскаватором я не справлюсь, — признался Ваня.

— Землекопом быть — долго учиться надо, — сказал Ване экскаваторщик и велел уходить с канала.

Без ученья нет уменья.

Ничего не ответил Ваня, а про себя подумал: «Землекопы стали учёные, пойду в хлеборобы».

Взял Ваня дедушкин серп и пошёл в колхоз. В поле идёт комбайн, сам жнёт пшеницу и сам молотит, солому выбрасывает, а зерно ссыпает в грузовик. Жнецы нынче комбайнерами стали, комбайнами управляют, пахари на трактористов выучились, крестьяне в агрономы пошли. А Ваня ничему не научился и ничего делать не умеет, только мешает всем.

Стыдно стало Ване своей неучёности, спрятал он серп, скорее возвратился домой и принялся учить уроки.

Хочешь трудиться — надо учиться. Учение — всем делам начало.

КРУЖКА

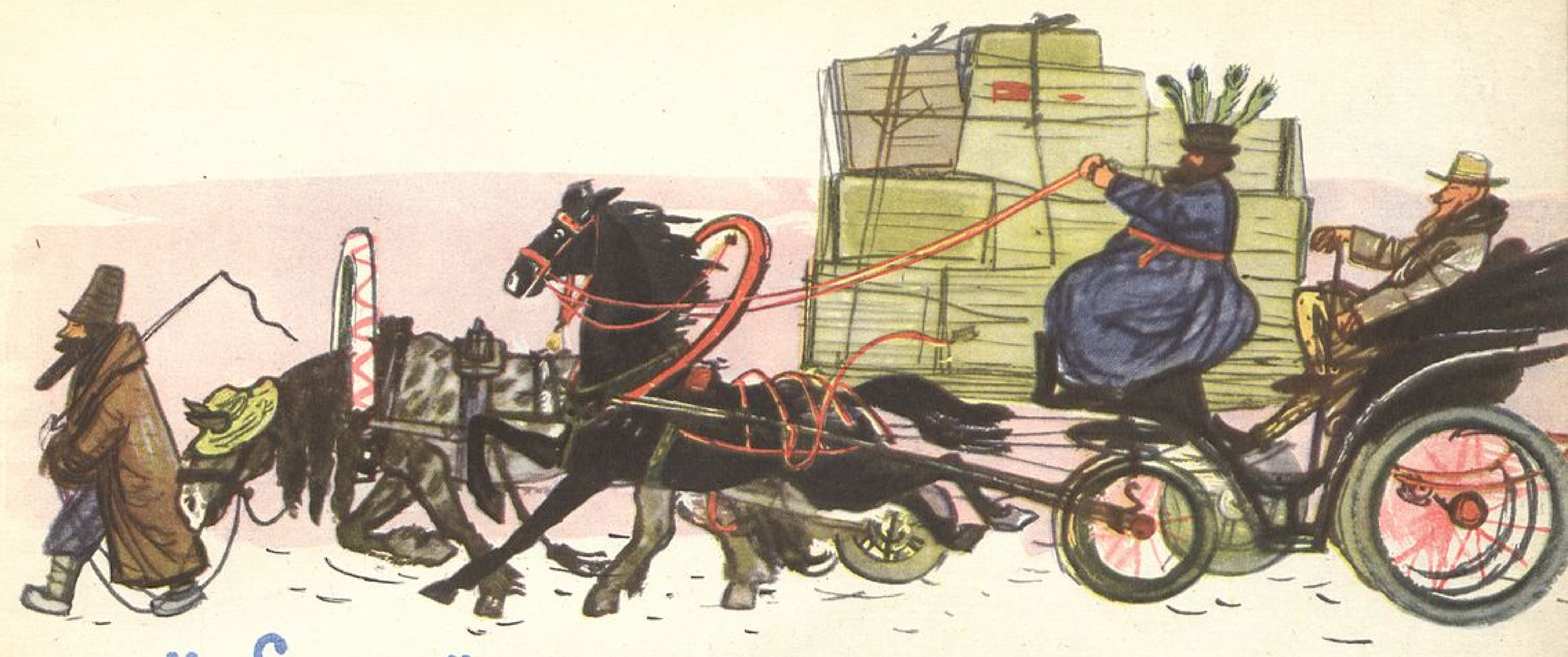
В. КРИВИН

Железная кружка у нас водолаз,
И дело её — не простое.
Она ежедневно по нескольку раз
Ныряет в ведро с водою.
И мы её просим:
«Подай-ка водицы
Напиться,
Умыться,
Облиться,
Побриться».
Потом говорим ей:
«Спасибо, дружок!» —
И ставим её на дубовый кружок.

Рис. А. ДАНИЛЕНКО

Необычный пассажир

Юрий КОРИНЕЦ
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Помнят люди, что недавно
На московской мостовой
Работяга самый главный
Был коняга ломовой.

Добродушный,
Терпеливый,
С заплетённой в косы гривой,
Шагом он тащил телегу —
Непривычен был он к бегу.

Обгонял телегу вскачь
Быстроногий конь-лихач.

Рядом дребезжали конки,
Экипажи
И пролётки.

Всё тянули лошадёнки,
Подгоняемые плёткой.
Не узнать Москвы с тех пор —
Лошадь заменил мотор...
Но вчера
Средь бела дня
Встретил я в Москве
Коня!

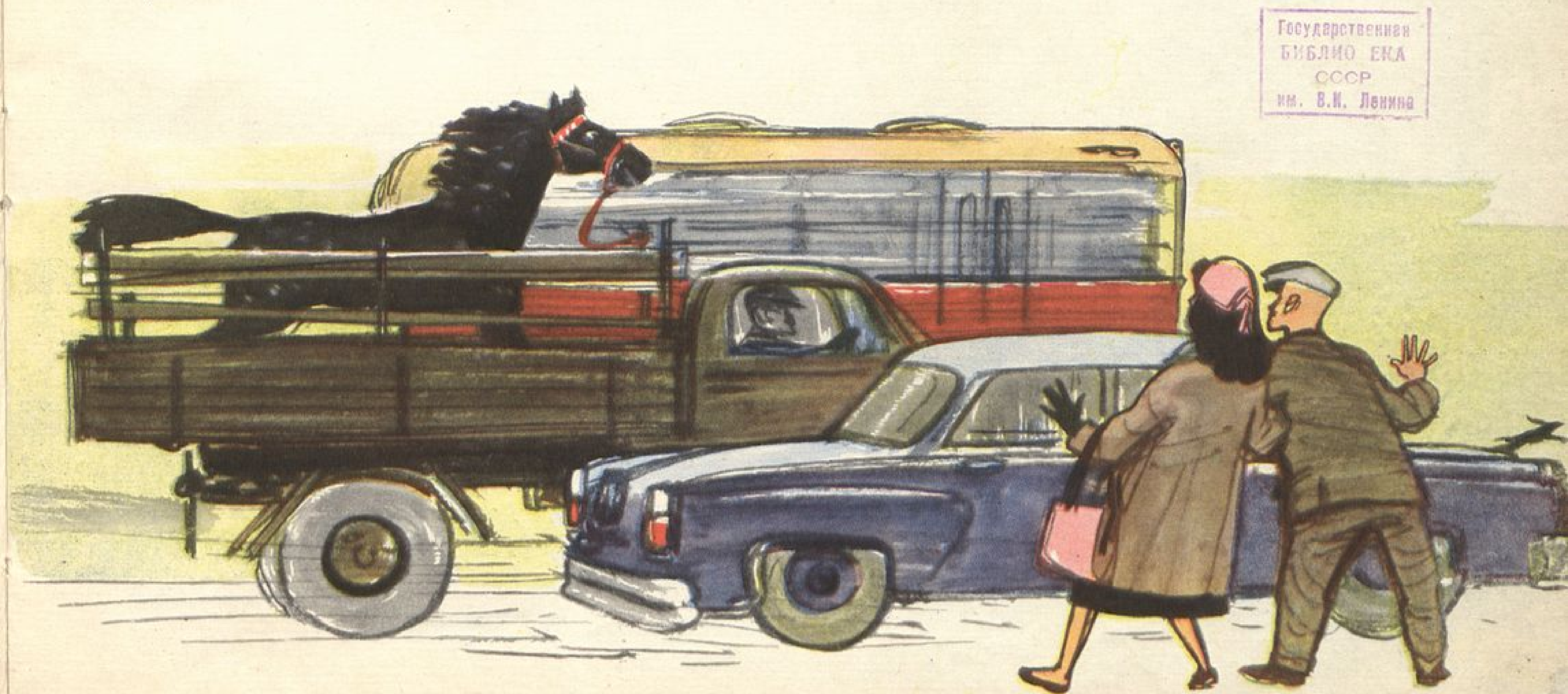
Добродушный,
Терпеливый,
С заплетённой в косы гривой,
Ехал конь по мостовой
На машине грузовой.

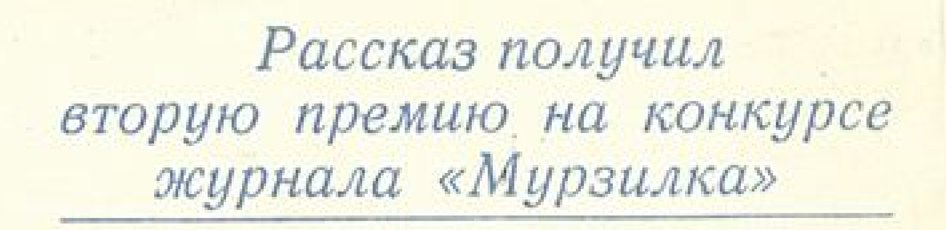
Рты разинув, с удивленьем
Все ему смотрели вслед.

Конь, довольный впечатленьем,
Головой кивал в ответ:
— Удивляетесь, друзья?
Пассажиром стал и я!

Век за веком гнул я спину —
Всё грузили на коня.
А теперь я влез в машину,
Повозите вы меня!

Я ещё вам пригожусь,
Где полегче — потружусь.

Рассказ получил вторую премию на конкурсе журнала «Мурзилка»

Самый лучший пароход

С. САХАРНОВ
Рис. П. ПАВЛИНОВА

Тимка вышел на улицу в новых голубых штанах и с чистым носовым платком в кармане.

— Ого! — удивились ребята. — Что-нибудь случилось, Тим, а? Ты куда, в цирк?

— В порт. Смотреть пароход.

— Какой?

— Самый лучший!

И Тимка исчез.

Никто, конечно, ничего не понял.

А дело обстояло так.

Тимкин отец был матросом. Как-то Тимка спросил:

— Пап, ты на каком пароходе плаваешь?

Отец засмеялся.

— На самом лучшем. Самый большой, самый быстрый, с белой трубой и золочёной сиреной. Гудит — уши затыкай: «Тууу-мб!..» Хочешь, приходи смотреть!

И вот Тимка в порту.

Кораблей вокруг — не сосчитать! Но самый лучший из них виден сразу. Он стоял неподалёку — большущий, с белой трубой, двуногими мачтами и золотой сиреной. На носу прямыми буквами было написано: «Пятилетка».

Тут же на причале кучей лежали серые ушастые мешки.

Три резиновые дорожки-транспортёры

бежали по роликам с берега на «Пятилетку».

Грузчики хватали мешки и бросали на транспортёры. Мешки ползли вверх по дорожкам, выше, выше и — кувырк! — летели в пароходное пузо — трюм.

Из широченной трубы парохода клубами шёл серый дым. Один клуб опустился к земле и накрыл Тимку.

— Апчхи!

Тимка почесал пальцем в носу.

— Дяденька, а куда эти мешки? — спросил он.

— В Индию! — буркнул грузчик. — Не мешай — опаздываем. Отходить сейчас будем.

Индию Тимка знал. Оттуда привозят слонов и кинокартины. Но отец в Индию не собирался. Как же так?

Тимка сел в сторонке и стал смотреть.

Погрузку закончили.

Заработали машины: «бух-бу! бух-бу!» Между «Пятилеткой» и причалом появилась полоска воды.

— Папа! — в отчаянии крикнул Тимка.

Подул ветерок и развернул на мачте красный флаг.

Но тут случилось неожиданное.

Ветер дунул изо всех сил. Он налетел на пароход и с размаху упёрся в его широкий, как парус, борт.

Пароход качнулся и навалился на причал. Заскрипело железо.

«Сейчас треснет!» — подумал Тимка.

«Пятилетке» негде было повернуться. Сильные машины толкали её вперёд, и она ползла вдоль причала, растирая в пыль края бетонных плит.

И вдруг из-за поворота гавани появился маленький чёрный пароходик с тонкой некрашеной трубой. На его носу стоял матрос в серой куртке.

Пароходик подбежал к «Пятилетке», смело протиснулся между нею и причалом и, упираясь носом в её борт, начал отталкивать «Пятилетку» от берега.

Ветер злобно выл. Но пароходик не сдавался: дрожа от натуги, он медленно поворачивал «Пятилетку».

Матрос в серой куртке изловчился и бросил на её палубу толстый тяжёлый канат.

Пароходик стал впереди «Пятилетки» и, натянув канат, потащил её из порта.

Он шёл мимо других кораблей, и дым из их труб садился на его закопчённые усталые бока.

В море «Пятилетка» отцепила канат, заревела басом: «Благодарю-у-у!» — и ушла.

Пароходик тоненько, по-мальчишечьи, свистнул, повернул назад.

Когда он подошёл к причалу, Тимка ахнул. На носу пароходика стоял в серой куртке, готовый к прыжку, его отец.

* * *

— Ну как, — спросили ребята, когда Тимка вернулся домой, — видал самый лучший?

— Видал! — гордо ответил Тимка.

Он, конечно, имел в виду маленький закопчённый буксир.

У макета первого искусственного спутника Земли (в Павильоне Академии наук СССР на ВСХВ).

Рис. Ю. КОРОВИНА

ОТАРИ-ШОФЁР

Паоло ЯШВИЛИ

Рис. В. ЛОСИНА

Папа маленькому сыну
Подарил автомашину,
Пёструю, вместительную,
Просто удивительную.

Очень рад Отари наш.
Он вкатил её в гараж,
Вытер кузов и педали,
Смазал части и детали,
Фары круглые прибил,
Две дощечки прикрепил,
Чтобы каждый мог прочесть,
На машину глядя,
Номер 8—26
Спереди и сзади.

— Ох, устал я, мочи нет!
Ну-ка, мама, дай конфет.

Погулять поеду,
Возвращусь к обеду.

Полный ход!
Разворот!
Мчит Отари из ворот.
Выехал на улицу,
Переехал курицу.

— Ой, беда, беда, беда!
Эй, милиция, сюда!
Задержите лихача,
Чтоб не дал он стрекача!

Накажите,
Научите
Нажимать на тормоза,
Поворачивать, где надо,
И глядеть во все глаза.

Вот и милиционер.
Ждут зеваки строгих мер.
— Кто шофёр? Печальный факт...
Мы должны составить акт.

Для того чтоб акт подробный
Он получше сочинил,
Принесли кувшин огромный
Фиолетовых чернил.
Взяли курицу с земли
И в больницу отвезли.
Доктор глянул деловито
И промолвил: — Колесом
Ваша лапка перебита.
Мы, конечно, вас спасём.
Но, хотя моё леченье
Принесёт вам облегченье,
Тем не менее домой
Возвратитесь вы хромой.
Клюйте сладкие пилюли!

В полдень третьего июля
Суд (вниманье, птичий двор!)
Вынес строгий приговор:

«Вёл машину подсудимый
В первый раз. И потому
Суд не счёл необходимым
Посадить его в тюрьму.
Пусть он больше не калечит
Кур, индюшек и собак,

А наседке обеспечит
Полный отдых! Только так!

В дачной местности Коджори
Пусть живёт она без горя
И клюёт три раза в день
С просом смешанный ячмень».

Полный ход!
Разворот!
Радуясь удаче,
Наш Отари везёт
Курицу на дачу.

Это было в самом деле.
Тот, кто видел, подтвердит.
Я же целую неделю
На Отари был сердит.

Перевёл с грузинского В. БЕРЕСТОВ

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Г. СКРЕБИЦКИЙ *Рис. В. ФЕДОТОВА*

В ноябре, перед самым началом зимы, можно хорошо поохотиться на зайцев. Для этой охоты и собаки не нужно иметь. Охотник сам без особого труда разыщет косого. Ведь заяц к зиме линяет, переодевается в зимнюю тёплую шубку — пушистую и белую. Она отлично скрывает его на белом снегу от глаз врага. Но вся беда в том, что зайцы обычно белеют немного раньше, чем выпадает снег. Вот в эту пору поздней осени белому зайцу туго приходится, трудно укрыться ему среди голых кустов и увядшей поредевшей травы.

И, если заметишь притаившегося в кустах зайчишку, частенько к нему удаётся подкрасться на верный выстрел: побелевший не вовремя заяц боится выскочить из своего укрытия. Иной раз подойдёшь совсем близко, а он всё лежит, прижимается плотнее к земле, будто хочет уйти в неё, спрятаться от чужих глаз.

Однажды в конце ноября отправился я на такую охоту. День был серый, но тёплый. По небу плыли тучи, порой моросил дождь.

Люблю я бродить по лесу поздней осенью перед самым приходом зимы. Всё в нём как-то примолкло, будто ждёт чего-то. Кусты и деревья давно сбросили листья, стоят совсем голые, потемневшие от осенних дождей. Опавшая листва не шуршит под ногами, как в самом начале осени. Теперь она плотно прибита к земле, лежит бурой преющей массой. По всему лесу от неё так славно пахнет деревенским холодным кваском.

А какая в лесу тишина! Только где-то в вершинах сосен и елей попискивают синички и корольки.

Изредка тонко, протяжно засвистит в ельнике рябчик, и снова всё смолкнет.

Не спеша пробираясь по узкой тропинке, я оглядывал каждый кустик, не спрятался ли под ним белый длинноухий зверёк. Но удачи пока что не было.

Лес поредел. Я вышел в мелкую поросль. На самом её краю росли две рябины.

На ветках рябины с громким трескучим криком хлопотали дрозды — кормились ягодами. Этим птицам давно пора улетать на юг, а они и не думают. Пока в лесу достаточно ягод, дрозды из наших краёв никуда не улетают, частенько так на всю зиму и остаются. Выходит, что птиц гонит на юг не холод, а голод. Если хватает еды, тогда и мороз не страшен.

Осторожно, чтобы не напугать птиц, я подошёл поближе к деревьям. «Да тут не одни дрозды, вон и другие птицы, примерно такой же величины, но совсем уж иного вида: более плотные, толстенькие, на головке хохол, пёрышки светло-бурые, а конец хвоста ярко-жёлтый». Я сразу узнал наших зимних гостей — свиристелей. Лето они проводят в тайге на севере, а на зиму прилетают к нам в леса. Здесь больше ягод, значит легче еду раздобыть.

Очень люблю этих красивых птичек, но люблю не только за красоту. Мне приятно видеть их в наших лесах зимою, когда там остаётся так мало птиц. Большинство ведь из них от нас на юг улетает, а вот свиристели к нам летят. Наша зима им не страшна — было бы только еды вволю.

Обойдя мелкую поросль, я побрёл дальше, зашёл в дубняк. Он ещё не весь облетел, на некоторых дубках, в особенности на молодых, низкорослых, сухой лист крепко держался.

То тут, то там слышался неприятный, хриплый крик сойки. Эти довольно крупные птицы, вели-

чиною с галку, перелетали с одного дерева на другое. Здесь, в дубняке, сойки кормились своей излюбленной пищей — желудями.

А вон одна из птиц слетела на землю и что-то торопливо сунула под корень дерева, сунула — и улетела.

Я подошёл и, присев на корточки, заглянул под корень. «Так и есть — несколько желудей». Сейчас, осенью, когда еды вволю, сойки заготовляют запасы на зиму, прячут жёлуди в дупла, в древесные щёлки, под корни деревьев.

Миновав дубняк, я очутился на вырубке. Всюду на ней валялись сучья и ветви, часть их была собрана в кучи.

Тут уж нужно глядеть в оба: зайцы охотно прячутся под такими кучами. Я начал осторожно обходить каждую из них.

Вон под грудой сучьев что-то белеет, наверное заяц.

Подхожу ближе, ближе... Конечно, заяц. Весь белый, а концы ушей чёрные. Приложил их к спине, лежит не шелохнётся. Нужно стрелять, а то ещё вскочит, шмыгнёт в кусты — и выстрелить не успеешь.

Не торопясь, прицелился, выстрелил. Зверёк остался на месте, даже не дрогнул. Зато из-под соседней кучи, вспугнутый выстрелом, выскочил второй заяц и поскакал по вырубке.

От неожиданности я даже выстрелить в него не успел.

Подбежал к своему. Вот-те раз! Да это ж не заяц, а берёзовое поленце лежит. Кора белая с тёмными пятнами. Какая досада! А настоящего зайца и упустил. Вон уж он далеко удрал, выскакивает на полянку.

Вдруг что-то белое, будто платок, метнулось там вдали, над поляной, комом упало на зайца. Это какая-то птица бросилась на зверька. Раздался его испуганный крик. Белый заяц и напавшая на него белая птица исчезли в лесу.

«Что за птица?» Издали я её не успел рассмотреть.

Я бросился через вырубку к той поляне, стараясь не очень шуметь, не хрустеть сучками.

Неподалёку, в лесу, снова раздался заячий крик. Значит, крылатый хищник не упустил добычу. Зайцу не удалось сбить о сучья кустов со своей спины страшного седока, не удалось удрать от него в чащу леса.

Добравшись до края поляны, где скрылся зверёк, я вбежал в лес. Он был негустой. Вдали, в прогалине между деревьями, копошилось что-то живое, белое. Нужно подкрасться как можно осторожнее.

Переползая от одного дерева к другому, я подобрался довольно близко и выглянул из-за кустов.

Какая-то крупная белая птица, растопырив крылья и хвост, сидела на своей жертве.

Я выстрелил. Крылатый хищник судорожно взмахнул крылом и остался на месте.

Подбегаю. Вот так добыча! Полярная сова, а под ней — задранный, уже мёртвый заяц.

Я поднял с земли сову, стал рассматривать: какое чудесное оперение — пушистое, мягкое, перья белые-белые, с тёмными пестринками. А глазищи какие огромные, блестящие! Неверно думают многие, что сова днём не видит. Вот вам пример — средь бела дня зайца схватила. Да иначе и быть не может. Летом полярная сова живёт на Крайнем Севере, там в эту пору года и днём и ночью совсем светло. Если б она при свете не видела, как бы тогда ей добычу ловить? За лето умерла бы с голоду. А вот теперь осень настала, скоро зима. На Крайнем

Севере почти круглые сутки темно. Но полярная сова отправляется из разных мест на юг, прилетает в наши края. Здесь зимою легче найти добычу. Значит, не тёмная ночь ей нужна, а пища.

Я ещё раз осмотрел сову. Очень красивая, только совсем непрошеная это гостья. Много зайцев, тетеревов за зиму в наших лесах переловит. Никто её к нам не звал — сама зимовать прилетела. Да вот и попалась мне под ружьё.

Ну что ж, отнесу домой, набью чучело. А уж заяц мне, видно, без выстрела, так, в придачу, достался.

ДУДОЧКА

Иосиф АЛЬБИРТ

Я играю на волшебной
Дудочке моей,
И ко мне летят, воркуя,
Стаи голубей.

Зайцы пляшут на лужайке,
Муравьи — на пне,
Из лесного царства скачет
Белочка ко мне.

И сияющее солнце
В гамаке ветвей
Слушает волшебный голос
Дудочки моей.

Перевёл Николай БЕРЕНДГОФ

Рис. Е. КОРОТКОВОЙ

Козлёнок, умевший считать до десяти

Альф ПРЁЙСЕН *Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА*

Жил-был маленький Козлёнок, который научился считать до десяти. Как-то раз подошёл он к большой луже, остановился как вкопанный и долго смотрел на своё отражение в воде. А теперь послушай, что было дальше.

— Раз! — сказал Козлёнок.

Это услышал Телёнок, который гулял поблизости и щипал травку.

— Что это ты делаешь? — спросил Телёнок.

— Я сосчитал сам себя, — ответил Козлёнок. — Хочешь, я и тебя сосчитаю?

— Если это не больно, то сосчитай! — сказал Телёнок.

— Это совсем не больно. Только ты не шевелись, и тогда я смогу тебя сосчитать.

— Нет, я боюсь. И моя мама, наверное, не разрешит, — проговорил Телёнок, пятясь назад.

Но Козлёнок двинулся вслед за ним и сказал:

— Я — это раз, ты — это два. Один, два!

— Ма-ама! — заревел Телёнок и начал плакать.

Тут к нему подбежала бурёнка с колокольчиком на шее.

— Ты чего ревёшь? — спросила Корова.

— Козлёнок меня считает! — пожаловался Телёнок.

— А что это такое? — спросила Корова.

— Я считаю, — сказал Козлёнок. — Я научился считать до десяти. Вот послушайте: один — это я, два — это Телёнок, три — это Корова. Один, два, три!

— Ой, теперь он и тебя сосчитал! — заревел Телёнок.

Когда Корова это поняла, она очень рассердилась.

— Я тебе покажу, как издеваться над моим Телёнком и надо мной! А ну-ка, Телёночек, давай зададим ему перцу!

И Корова с Телёнком бросились на Козлёнка. Тот страшно перепугался, подскочил как ужаленный и помчался стрелой по лужайке. А за ним — Корова с Телёнком.

Неподалёку на пастбище стоял Бык. Он взрывал рогами землю и подбрасывал кверху кустики травы. Козлёнок, Телёнок и Корова с топотом промчались мимо.

— Почему вы гонитесь за этим крохотным Козлёнком? — спросил Бык.

— А он нас считает, — заревел Телёнок.

— Но мы его поймаем, — сказала Корова.

— Один — это я, два — это Телёнок, три — это Корова, четыре — это Бык. Один, два, три, четыре! — сказал Козлёнок.

— Ой, теперь он и тебя сосчитал, — заныл Телёнок.

— Ну, это ему даром не пройдёт, — проревел Бык и вместе с другими бросился в погоню за Козлёнком.

По обочине дороги прохаживался Конь и жевал траву. Увидев животных, несущихся вскачь, он воскликнул:

— Что это за спешка?

— Мы гонимся за Козлёнком, — ответила Корова.

— Он нас считает, — захныкал Телёнок.

— А ему никто не дал такого права, — проревел Бык.

— А как же он это делает? — спросил Конь.

— Очень просто, — сказал Козлёнок. — Вот как! Один — это я, два — это Телёнок, три — это Корова, четыре — это Бык, а пять — это Конь. Один, два, три, четыре, пять!

— Ой! Теперь он и тебя сосчитал! — сказал Телёнок.

— Ах ты, козлятина эдакая! Ну, погоди же! — заржал Конь и поскакал вместе с остальными вслед за Козлёнком.

В загоне лежала большая Свинья и мирно спала. Топот копыт разбудил её.

— Куда это вас всех несёт? — спросила Свинья.

— Мы гонимся за Козлёнком, — ответила Корова.

— Он нас считает, — жалобно протянул Телёнок.

— А ему никто не давал такого права, — проревел Бык.

— Но мы ему покажем! — заржал Конь.

— А как это он считает? — спросила Свинья.

— Очень просто! — воскликнул Козлёнок: — Один — это я, два — это Телёнок, три — это Корова, четыре — это Бык, пять — это Конь, а шесть — это Свинья. Один, два, три, четыре, пять, шесть.

— Ой! Теперь он и тебя сосчитал, — всхлипнул Телёнок.

— Ну, он за это поплатится! — сказала Свинья. Она проломила своим рылом загородку и пустилась рысцой вслед за другими.

Они мчались сломя голову, не разбирая дороги, и добежали так до речки. А у причала стоял небольшой парусник. На борту парусника они увидели Кота, Пса, Овцу и Петуха. Кот был корабельным коком,

Овца — юнгой, Петух — капитаном, а Пёс — лоцманом.

— Остановитесь! — закричал Петух, увидев зверей, которые неслись, не чуя под собой ног.

Но уже было поздно. Козлёнок оттолкнулся копытами от причала и... вскочил на борт парусника. Вслед за ним прыгнули все животные. Парусник покачнулся, заскользил по воде, и его понесло на самое глубокое место реки. Тут Петух перепугался.

— На помощь! — завопил он. — Парусник тонет!

Все звери затряслись от страха. А Петух опять закричал:

— Кто из вас умеет считать?

— Я умею, — сказал Козлёнок.

— Тогда пересчитай нас всех поскорее! Парусник может выдержать только десять пассажиров.

— Скорее считай, скорее! — завыли все звери.

И Козлёнок начал считать:

— Один — это я, два — это Телёнок, три — это Корова, четыре — это Бык, пять — это Конь, шесть — это Свинья, семь — это Кот, восемь — это Пёс, девять — это Овца и десять — это Петух. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

— Ура Козлёнку, ура-а-а! — закричали тут все звери.

Они переправились через реку и сошли на берег. А Козлёнок с тех пор так и остался на паруснике. Он теперь работает контролёром. И всякий раз, когда Петух берётся перевозить зверей на другой берег, Козлёнок стоит у причала и считает пассажиров.

Перевёл с норвежского В. ОСТРОВСКИЙ

ВЕСЁЛЫЕ СТРАНИЦЫ

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Э. ОСТРОВСКАЯ

ТОПОЛЬ И АНАНАС

Когда я возился
с посадкою тополя,
Вовка с дружком
по плечу меня хлопали:
— Смотрите, ребята,
вот это умора:
решил хворостинку
выращивать Гора!
— Зачем тебе тополь? —
смеялся мой брат. —
Куда интересней
растить виноград,
лимон посадить
и добиться плодов,
а тополь какой-то
не стоит трудов.
Вот я, например,
посажу... ананас.
Пускай он цветёт
под окошком у нас! —
И друг ему вторил:
— Ты, Горка, затейник!
Уж ты посадил бы
берёзовый веник!
С тех пор
пробежало неполных пять лет.
Мой тополь разросся,
листвою одет.
В тени его
басом толкует мой брат,
что всё-таки лучше
растить виноград.

Г. ЦИФЕРОВ

ДОЖДЬ

Дождь шёл, не разбирая дороги. По лугам, по полям, по цветущим садам. Шёл-шёл — споткнулся. Вытянул длинные ноги. Упал и утонул в последней луже. Лишь пузырьки кверху пошли: «буль-буль».

ВЕТЕР

Ветер на листьях гадал, скоро ли будет зима: скоро — не скоро, скоро — не скоро.

Последний листок оторвал, полез в трубу печную греться.

ТРУБА

Труба дымила в небо — хотела
солнышку усы нарисовать.
Весь дым из печки выдула,
а солнышко блестит.

МАЛЬЧИК И МАМА

ШУТКА

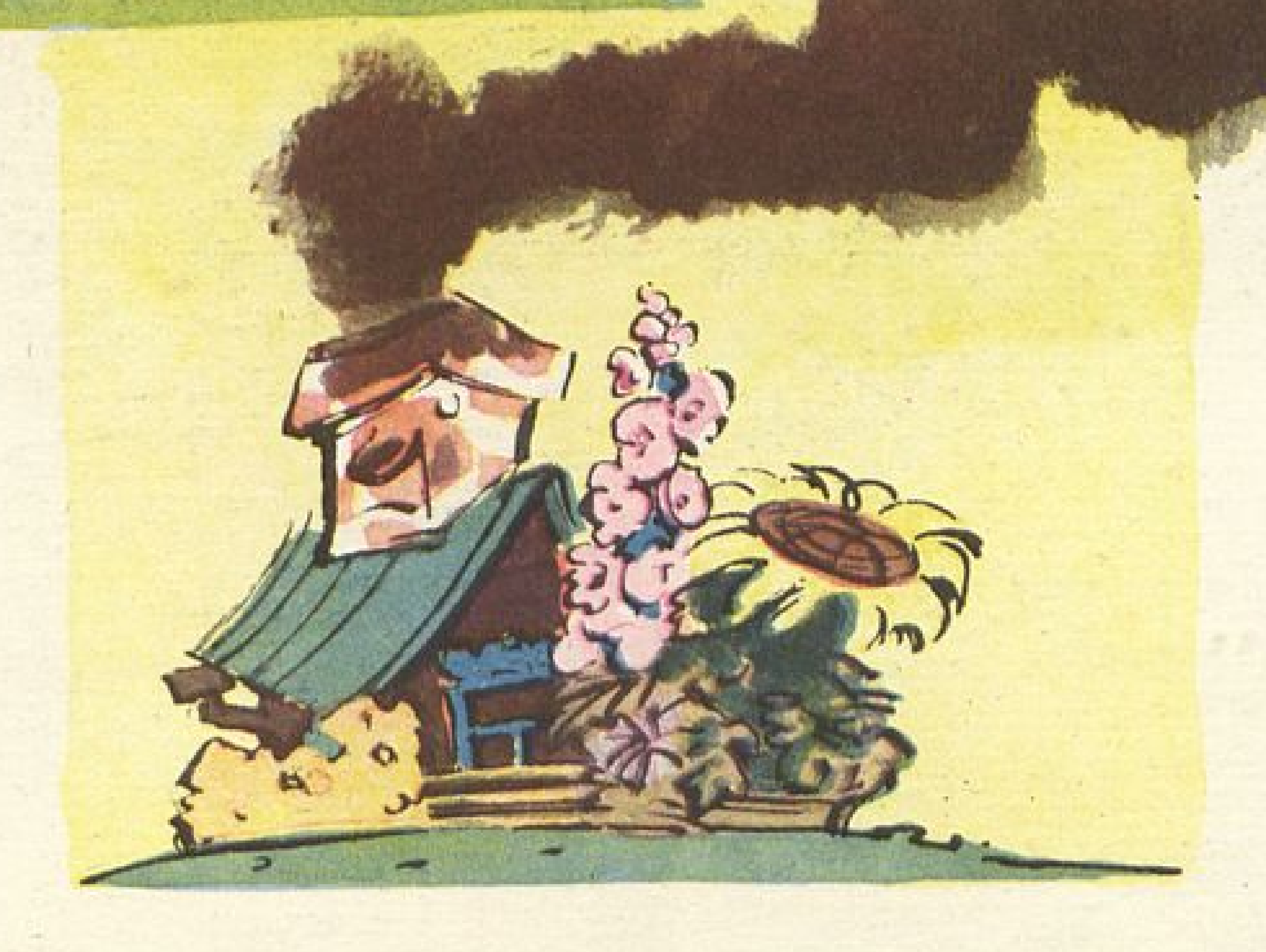
Маленький мальчик шёл с мамой по улице.

Он побежал вперёд и вдруг потерял маму.

Тогда он стал спрашивать прохожих:

— Скажите, вы не видели маму с маленьким мальчиком!

Г. АБРАМОВ

На обложке рисунок А. ЗЕГЕРА

Худож. редактор Ю. Молоканов Рукописи не возвращаются Техн. редактор Г. Голубкова

Год издания тридцать четвёртый Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия"

Подп. к печати 27/IX 1958 г. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1943

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.

В ШКОЛУ.

Рис. В. ЧЕЛИНЦЕВОЙ